

UNITED WISDOM

Бахтин: диалог и незавершённость человека

Традиции и картины мира

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-33-N03 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Бахтин: диалог и незавершённость человека

Эпиграф

> *«Быть – значит общаться диалогически».*

Михаил Бахтин, «Проблемы творчества Достоевского», часть II, глава IV, 1929. Русский оригинал. Формула возникает в анализе художественного мира Достоевского; её применение к повседневному общению требует отдельного рассуждения.

О чём эта статья

Иногда нас внимательно слушают, но не оставляют возможности сказать ничего нового. Собеседник уже знает, почему мы поступили именно так, чего боимся и что обязаны понять. Внешне разговор продолжается, внутренне он завершён. Михаил Бахтин даёт язык для различения этих состояний. Исследуя романы Достоевского, он показывает особую самостоятельность голосов и сопротивление человека окончательному определению извне. Эта статья разберёт полифонию, диалог и незавершённость, сохраняя их исходный литературный контекст. Затем мы рассмотрим ограниченное современное применение: как обсуждать факты и решения, не превращая их носителя в объект окончательного приговора. Диалог не будет объявлен обязательным согласием, бесконечной откровенностью или универсальным средством устранить конфликт. Его проверка конкретнее: способен ли ответ другого действительно изменить то, что мы о нём думаем и что собираемся делать дальше?

I. Разговор, в котором ответ уже написан

Разговор становится монологом задолго до того, как замолкает второй человек. Для этого достаточно, чтобы его словам было заранее назначено единственное значение. Условный руководитель спрашивает сотрудника, почему тот возражает. Любой ответ он истолковывает как сопротивление переменам. Сотрудник может привести расчёт, указать на риск или согласиться с частью предложения, но ни одно различие не меняет готовой картины.

Формальный обмен репликами поэтому ещё не доказывает диалогичность. Можно дать другому много времени и слышать только подтверждение своей версии. Можно задавать вопросы исключительно для того, чтобы он сам произнёс нужное признание. В таком устройстве свободный ответ существует декоративно. Он украшает решение, которое

было принято до его появления, и делает принуждение внешне похожим на совместное понимание.

У Бахтина исходная проблема иная и точнее: устройство художественного целого. В первой главе книги 1929 года полифония обозначает сочетание самостоятельных голосов, которые не растворяются в единственной авторской позиции. Это не простое присутствие многих персонажей и не статистическое разнообразие мнений. Важно, как они существуют внутри произведения и сохраняют собственную смысловую значимость.

Перенос в повседневность можно сделать только ограниченно. Мы не становимся героями Достоевского оттого, что спорим за ужином. Однако литературное различение позволяет задать хороший вопрос: дано ли чужой позиции право быть позицией или она допущена только как материал для моего окончательного объяснения? Ответ обнаруживается в том, что происходит после содержательного возражения.

Если новая реплика заставляет пересмотреть вопрос, уточнить факт или признать неизвестное, разговор сохранил открытость. Если каждую реплику сразу переводят на язык готового обвинения, открытости нет. Диалог начинается не с вежливости как таковой, а с признания, что другой способен принести содержание, которого в моей версии ещё не было. Вежливость может помочь этому признанию, но способна и очень аккуратно скрыть его отсутствие.

II. Голос нельзя заменить мнением о голосе

Чужая позиция не становится услышанной только потому, что мы умеем её пересказать своими словами. Пересказ может сохранить смысл, а может незаметно заменить его собственным объяснением. Условный человек сообщает, что не готов принять предложение из-за нехватки времени. Собеседник пересказывает: «Ты боишься ответственности». В разговор добавлена гипотеза, а исходное сообщение отступило на второй план.

В «Проблемах поэтики Достоевского», главе II Бахтин различает героя как готовый характер и героя как смысловую позицию. Это работа литературоведа с формой романа. Для нашей темы полезно, что сведения о положении и поступках человека не заменяют вопроса о том, что эти сведения значат для него самого. Внутренний ответ не является лишним приложением к внешнему описанию.

Признать голос не значит принять каждую его версию как истину. Человек может ошибаться в фактах, забывать обещание или оправдывать неприятный поступок. Но проверять ошибку нужно по предмету. «Вы назвали другой срок» — сообщение о расхождении. «Вы всегда врёте, потому что такова ваша природа» — окончательное

объяснение личности. Второе не становится необходимым следствием первого, даже если произносится с уверенностью.

Хорошая проверка пересказа допускает исправление. Можно сказать: «Я услышал, что сейчас для вас важнее сохранить свободное время; верно ли я понял?» Другой вправе ответить, что речь о здоровье, обязательствах или самом предложении. Исправление не должно считаться уходом от разговора. Оно является частью разговора, если нам действительно нужно понять позицию, а не получить удобное подтверждение.

У голоса есть и право на сложность. Человек может одновременно хотеть участия и бояться нагрузки, признавать пользу проекта и не доверять организатору. Превращение сложной позиции в одно слово экономит усилие, но снижает точность. Диалогичность проверяется готовностью удержать несколько элементов, прежде чем выбрать действие. Это не требует бесконечного анализа; достаточно не упрощать именно то различие, от которого зависит ближайшее решение.

III. Почему незавершённость не равна неопределённости во всём

Незавершённость человека не мешает установить конкретный факт. Можно точно знать, что письмо отправлено, обещание нарушено или встреча состоялась. Проблема начинается, когда из этих знаний делают последнюю истину о личности. В главе II поздней редакции книги Бахтина вопрос незавершённости связан с невозможностью окончательного заочного определения героя.

Это различие нужно особенно тщательно, потому что оно легко превращается в оправдание. Условный человек говорит: «Нельзя меня судить, я ещё меняюсь». Но другие сейчас живут с последствиями его действия. Возможность нового ответа не требует от них отказаться от оценки, защиты или прекращения договорённости. Открытая будущая жизнь и установленное прошлое могут одновременно оставаться предметом разговора.

Представим, что сотрудник признал ошибку в расчёте. Он больше этой ошибки: способен учиться, изменить порядок проверки, работать в другой роли. Но цифра в расчёте всё равно неверна, и её надо исправить. Если организация оставляет ошибку ради уважения к человеку, она смешивает достоинство с неприкосновенностью результата. Если объявляет человека навсегда неспособным, она смешивает результат с исчерпывающим определением личности.

Диалог сохраняет обе стороны: строгость к предмету и открытость к ответу. Он может привести к неприятному решению. Человека не оставят на должности, предложение

отклонят, доверие не восстановится сразу. Однако решение можно объяснить через конкретные обстоятельства, не добавляя к нему права окончательно знать всю его внутреннюю жизнь. Уважение здесь не отменяет действие, а ограничивает лишнюю власть объяснения.

Такое ограничение полезно и самому человеку. Вместо общего самоприговора «я безнадёжен» появляется вопрос, что именно произошло и какое изменение возможно. Вместо полного оправдания «я не обязан соответствовать вашему образу» — признание данного поступка. Незавершённость тогда не размывает ответственность, а делает её деятельной: отвечать можно только там, где будущее ещё не поглощено готовой формулой о том, кто ты есть.

IV. Полифония не обещает общего финального мнения

Многоголосие нельзя проверять количеством согласившихся в конце. Иногда несколько позиций остаются различными после точного взаимного понимания. Это не обязательно неудача. Возможно, различаются ценности, допустимая цена решения или само представление о хорошем результате. Если заранее требовать единого мировоззрения, самостоятельность голосов будет сохраняться лишь до момента, когда она начинает мешать нужному заключению.

Бахтинское описание художественной формы помогает не путать единство произведения и единообразие его сознаний. Мы берём отсюда вопрос о совместном деле: способно ли оно удерживать различия, не переставая быть делом? Политическая организация, семья и роман устроены по-разному. Нельзя вывести их правила непосредственно из литературной теории. Но различие между общей формой и общим мнением остаётся продуктивным.

В условном совете два человека расходятся по приоритетам. Один хочет сохранить ресурс, второй — быстрее расширить помощь. Они могут согласовать ограниченный бюджетный эксперимент, не договорившись о всей философии риска. Общее решение оказывается уже их убеждений. Это честнее, чем заставить одного объявить себя полностью переубеждённым ради формального единства протокола.

Для такого устройства нужны границы предмета. Что мы решаем сегодня? Какие основания считаем достаточными? Какой вопрос остаётся открытым? Без этих уточнений диалог легко становится бесконечным требованием согласовать всё. Люди устают, а итог определяет тот, кто способен дольше занимать пространство разговора. Незавершённость личности не требует незавершённости каждой рабочей процедуры.

Временное решение тоже может быть полноценным. Оно относится к имеющимся сведениям и предусматривает пересмотр при новых обстоятельствах. Участники

сохраняют разногласие и отвечают за согласованный шаг. Такой результат не следует романтизировать: он требует реального исполнения и иногда не удаётся. Но его можно оценивать точнее, чем через выбор между тотальным единством и полной невозможностью действовать вместе.

V. Мы спорим и с предполагаемым собеседником

Внутренний разговор нередко идёт с человеком, который сейчас ничего не сказал. Мы заранее отвечаем на его осуждение, ожидаем насмешку, подбираем защиту. Реальное сообщение потом слышится сквозь подготовленную сцену. Это обычная возможность человеческого опыта, а не диагноз. Бахтин подробно исследует подобную обращённость слова в анализе диалога у Достоевского.

Условная участница разговора слышит просьбу уточнить расчёт и отвечает так, словно её назвали некомпетентной. Возможно, в прежней истории просьбы действительно сопровождались унижением. Возможно, сегодняшняя формулировка была неудачна. Но сначала нужно различить полученные слова и ожидаемое продолжение. Иначе внутренний собеседник получит больше власти над действием, чем человек, который присутствует перед нами.

Полезен короткий промежуток между услышанным и истолкованным. Что было сказано буквально? Какое значение я добавил? На чём оно основано? Эти вопросы не требуют недоверия к собственному переживанию. Переживание реально как переживание, даже если объяснение нуждается в проверке. Можно заметить боль и одновременно не объявлять чужой мотив установленным.

И спрашивающий тоже должен проверить свою часть. Иногда он называет сообщение нейтральным только потому, что не хочет отвечать за тон и контекст. Если раньше вопросы использовались для публичного унижения, сегодняшнее ожидание защиты имеет основания. Диалог не обязан перекладывать всю работу на того, кто насторожился. История общения входит в сегодняшнюю ситуацию, даже когда никто не произносит её вслух.

Чтобы выйти из заранее написанного спора, нужны конкретные изменения: уточнить смысл вопроса, отказаться от обобщающего обвинения, договориться о форме проверки. Не обязательно обсуждать всю историю за один раз. Достаточно открыть место, где реальные слова могут отличаться от предполагаемых. Если это место появляется, человек получает возможность отвечать сегодняшнему собеседнику, а не только защищаться от образа, который разговор прежде научил его ожидать.

VI. Вежливость может завершать другого

Мягкий тон не гарантирует открытости. Фраза «я прекрасно понимаю, что вы на самом деле чувствуете» способна закрыть разговор столь же надёжно, как резкое обвинение. Особенно если следующая реплика другого считается доказательством того, что он пока не готов признать истину о себе. Здесь заботливый язык получил власть определять чужой опыт без возможности поправки.

Условный собеседник сообщает, что хочет завершить проект. Ему отвечают: «Вы просто устали; когда отдохнёте, поймёте, что это ваше дело». Возможно, усталость действительно влияет. Но её наличие не доказывает, что принятое решение не имеет другого основания. Можно предложить паузу как вариант и сохранить возможность отказа. Нельзя превратить вариант в обязательное объяснение чужой воли.

Встреча, описываемая в академическом разборе Бубера, помогает сопоставить эту проблему с отношением Я–Ты. Другой не исчерпывается моей функцией понимания. Бубер и Бахтин решают разные задачи, и литературную полифонию нельзя назвать формой одной религиозной философии. Их сопоставление ограничено вопросом о самостоятельности того, к кому я обращаюсь.

Самостоятельность иногда выражается коротко: «Нет, это не то, что я хочу сказать». Если ответ не принимают, подробность объяснения не поможет. Диалогичная форма должна позволять исправить не только данные, но и саму постановку вопроса. Возможно, мы спрашиваем о страхе там, где человек говорит о принципе, или о недостатке мотивации там, где он сообщает о невозможных условиях.

От внимательного собеседника требуется не постоянная правота, а способность обнаружить собственную ошибку. Можно сказать: «Я слишком быстро объяснил ваше решение; вернёмся к тому, что вы действительно сообщили». Это не потеря компетентности. Компетентность, которая не допускает такого движения, становится властью над картиной, а не помощью в её уточнении. Точность и уважение здесь совпадают в одном действии: дать новому слову изменить старое объяснение.

VII. Диалог не отменяет право на дистанцию

Если разговор причиняет вред, его продолжение не становится обязанностью только благодаря слову «диалог». Люди могут прервать обсуждение, отказаться от личной темы или выбрать письменную форму. Незавершённость человеческого смысла не требует бесконечной доступности одного человека для другого. Именно здесь современное применение должно явно выйти за пределы художественного образа вечного разговора.

Условный родственник требует немедленно объяснить все чувства и убеждения. Отказ он называет закрытостью. Но право на ответ включает возможность определить время и предмет ответа. Иначе диалог превращается в досмотр внутренней жизни. Человек оказывается обязанным предоставить себя целиком, чтобы доказать, что он не является объектом. Такая проверка уничтожает самостоятельность, которую якобы защищает.

Есть разница между паузой и наказанием молчанием, но она не определяется одним внешним признаком. Пауза может быть названа конкретно: «Сейчас я не могу продолжать; вернусь к обсуждению срока завтра». Наказание может намеренно держать другого в неизвестности. Чтобы различить их, следует рассматривать обстоятельства и действительные сообщения, не присваивая молчанию единственное значение по привычке.

В небезопасной ситуации человек не обязан давать срок нового разговора. Возможность угроз, давления или ответного унижения меняет условия. Тогда важнее сохранить доступ к собственному решению и поддержке. Бахтинская идея не должна использоваться как философское оправдание принудительного примирения. Уважение к голосу предполагает признание того, что голос иногда выбирает не вступать в предложенную форму общения.

После дистанции связь может восстановиться, измениться или завершиться. Ни один исход сам по себе не доказывает, что человек не умеет разговаривать. Вопрос конкретнее: имелась ли форма, в которой сообщение могло быть принято всерьёз без наказания за самостоятельность? Если такой формы не было, требование продолжения сохраняло монолог, хотя обе стороны физически оставались в разговоре.

VIII. Письмо тоже способно отвечать

Письменный текст кажется завершённым: буквы больше не меняются вслед за вопросом читателя. В «Федре», 275d–276a Платон через речь Сократа рассматривает ограничение письма, которое не умеет самостоятельно отвечать на уточнение. Это не бахтинская теория, но полезный контраст между сохранённой формой и живым обращением.

Современное письмо может предусматривать условия дальнейшего ответа. Автор объясняет, что установлено, где границы, на какой вопрос рассчитан текст. Читатель получает возможность возразить или уточнить. Наличие такой возможности не делает сам файл живым субъектом. Оно показывает, что завершённый материал может входить в незавершённый разговор, не выдавая себя за окончательное слово о мире и человеке.

Условный отчёт описывает участника исследования. Если он разделяет самоотчёт, наблюдение и интерпретацию, читатель видит, как возникли выводы. Если всё записано как готовая характеристика личности, возможность проверки снижается. Форма

изложения имеет последствия: одни и те же сведения способны стать открытой картой оснований или закрытым портретом, в котором исчезло происхождение каждого утверждения.

Это касается и нашей статьи. Её практические сцены условны; они не доказывают, что Бахтин исследовал именно такие случаи. Источники позволяют проверить литературные понятия. Современные выводы предлагаются как ограниченное рассуждение о разговоре. Такое разделение не делает текст слабее. Оно оставляет читателю право оценить переход, не соглашаясь автоматически с каждым примером.

Диалогичность письма проявляется в том, как оно относится к возможному несогласию. Текст может назвать сильный контрпример, уточнить собственное утверждение и сохранить вопрос, который пока не решён. Для этого не требуется завершать каждую фразу оговоркой. Достаточно сделать видимой границу там, где она действительно меняет смысл. Тогда законченная статья остаётся законченным результатом, а не изображением законченности всех затронутых тем.

IX. У спора есть предмет и есть достоинство

Можно отвергнуть довод, не отвергая право его автора участвовать в разговоре. Это различие особенно трудно, когда спор касается важной ценности. Условный человек слышит критику предложения как критику самого себя. Другой использует предметное возражение, чтобы публично снизить его статус. Обе возможности требуют внимания, но их нельзя заранее слить в единственный рассказ о чувствительности или грубости.

Кант в разделе II «Основ метафизики нравственности» рассматривает человека как цель, которую нельзя использовать только как средство. Для нашей темы это даёт нравственный предел спору. Нельзя превращать собеседника в материал для демонстрации собственной правоты. При этом кантовский принцип не является литературным определением полифонии; сравнивается ограниченный смысл уважения к участнику.

Предметное возражение можно проверить: какие данные неверны, какая связь не следует из основания, какой риск не учтён. Статусное унижение устроено иначе: оно показывает, кто имеет право говорить. Если обсуждение незаметно сменило предмет, стоит вернуть вопрос к конкретному утверждению. Не обязательно спорить о всей личности критика. Достаточно назвать то действие, которое мешает содержательному рассмотрению.

Уважение не требует одинаковой компетентности. Врач, инженер или переводчик могут знать больше в своём предмете. Но знание предмета не автоматически делает их точными толкователями чужих мотивов. Хорошая граница компетентности позволяет

сказать: «В этом расчёте ошибка» — и не добавлять: «Я знаю, почему вы постоянно нуждаетесь в признании». Второе требует совершенно иных оснований.

Сильный диалог поэтому допускает асимметрию знаний и симметрию достоинства. Участники могут выполнять разные роли, обладать разными полномочиями и всё же сохранять возможность сообщить существенное. Если меньшая компетентность означает отсутствие голоса вообще, система теряет свидетельства именно там, где они могут оказаться важны. Разговор становится точнее, когда авторитет отвечает за основания, а не за запрет чужого присутствия.

X. Последнее слово можно отложить

Умение отложить окончательное определение не означает неспособности принять решение. Мы можем закончить встречу, подписать договор или отказаться от предложения, сохранив неизвестное о человеке. В этом и состоит практическая сила незавершённости: действовать по достаточным основаниям, не добавляя к действию претензии на полное знание того, кто находится перед нами.

Условный руководитель решает не продлевать договор из-за повторных ошибок. Он может назвать проверенные эпизоды и условия решения. Ему не требуется доказывать, что сотрудник навсегда ленив или не способен измениться. Сотрудник может оспорить факты, принять результат или уйти. Решение сохраняет предметную определённость, а человек — право на дальнейшую жизнь, не написанную этим протоколом целиком.

Такой подход не гарантирует мягкости. Иногда ясная граница болезненнее неопределённой надежды. Но он уменьшает лишнее присвоение: мы отвечаем за собственное решение, а не объявляем его голосом самой истины о чужой личности. Если появляются новые данные, пересмотр также имеет предмет. Не нужно менять весь портрет человека; достаточно проверить конкретное основание, которое прежде считалось достаточным.

В разговоре из начала статьи это означало бы простой, но существенный сдвиг. Руководитель сначала различает возражение и сопротивление. Он спрашивает, какой расчёт представлен и что в нём можно проверить. Возможно, сотрудник ошибся. Возможно, новая информация изменит проект. В обоих случаях ответ получает реальную функцию, а не роль реплики в уже завершённой сцене.

Бахтин помогает увидеть, что человек способен существовать в чужом слове как готовый предмет или как участник смысла. Наша задача не обязана повторять устройство романа. Она может сохранить требование к собственной речи: когда я говорю о другом, остаётся ли возможность его ответа? Если она остаётся, даже завершённое решение не уничтожает будущего разговора. Если исчезает, длительный

обмен словами уже может быть лишь тщательно оформленным последним словом одной стороны.

Что это значит на практике

Вспомните недавний разговор, после которого возникло чувство, что вас не услышали или что вы сами слишком быстро всё объяснили. Запишите одну точную реплику и свой вывод о её смысле. Если точной реплики не помните, отметьте это, не восстанавливая её как свидетельство. Затем отделите сообщённый факт от гипотезы о чужом мотиве. Например, отказ выполнить просьбу установлен; намерение унизить вас может оставаться предположением.

Посмотрите, какой ответ мог бы изменить вашу картину. Если никакой, найдите причину. Возможно, предмет уже достаточно проверен и нужен предел. Возможно, вы заранее объявили любое возражение защитой от истины. Эти случаи различны. В первом можно принять решение и назвать его основания. Во втором полезно открыть вопрос, который действительно допускает новое содержание, а не требует нужного признания.

При следующем разговоре попробуйте короткий проверяемый пересказ: «Я понял, что для вас сейчас важно это; поправьте, если ошибаюсь». Исправление примите как информацию. Не превращайте его сразу в спор о том, кто лучше знает другого. После уточнения можно вернуться к собственным потребностям и границам. Диалог не требует отказаться от своей позиции ради демонстрации внимания.

Отдельно определите предмет ближайшего решения. Нужно ли согласовать срок, исправить сообщение, распределить нагрузку или просто узнать недостающий факт? Не пытайтесь за один разговор решить всю историю отношений. Для результата достаточно конкретного изменения, которое можно заметить: новый факт учтён, обвинение заменено предметной формулировкой, отказ получил понятный смысл, пауза перестала считаться автоматическим подтверждением вины.

Если разговор небезопасен, упражнение не требует его возобновить. Право на голос включает право выбрать форму, дистанцию и помощь. Проверять качество общения можно и без прямой встречи: по тому, сохраняются ли факты, возможности поправки и границы. Незавершённость не обещает вечного согласия. Она оставляет более скромное и важное пространство: человеку ещё может быть что сказать, даже когда вы уже достаточно знаете для собственного решения.

Ключевая цитата

> *«Человек никогда не совпадает с самим собой».*

Михаил Бахтин, «Проблемы поэтики Достоевского», глава II, абзац о незавершённости протагонистов. Русский оригинал. Это положение в интерпретации художественной мысли Достоевского, а не экспериментальный закон о поведении каждого человека.

Связи между традициями

Сопоставление	Сходство	Граница
Бахтин: полифония ↔ «Лунь юй» 13.23: доброжелательность без заискивания	Разговор не обязан требовать угодливого согласия.	У Бахтина теория романа; у Конфуция нравственное воспитание.
Бахтин: обращённый голос ↔ Бубер: Я–Ты	Другой не сводится к моей готовой схеме.	Это разные понятия, литературное и религиозно-философское; Бубер прочитан по академическому обзору.
Бахтин: незавершённость ↔ Бердяев: критика объективации	Завершённое внешнее описание не исчерпывает личность.	У Бердяева метафизика свободы, у Бахтина в привлечённых текстах анализ поэтики.
Бахтин: живой ответ ↔ Платон: ограничение письма, «Федр» 275d–276a	Знание нуждается в возможности уточнения.	Платоновский довод о письме не является теорией полифонического романа.
Право на голос ↔ Кант: человек как цель	Собеседник не должен быть лишь инструментом демонстрации правоты.	Нравственный принцип не доказывает истинность каждой реплики и не требует одинаковой компетентности.

Первоисточники и исследования

1. М. М. Бахтин. «Проблемы творчества Достоевского», 1929, I.1 — определение полифонии; прочитаны начальные абзацы и соответствующий контекст.

2. Там же, II.4 — диалог, обращённость и внутреннее слово; выбранные абзацы.

3. М. М. Бахтин. «Проблемы поэтики Достоевского», II — герой, авторская позиция и незавершённость; поздняя переработка книги, выбранные фрагменты. Два заглавия не обозначают одинаковую редакцию.

4. Платон. «Федр», 275d–276a — письмо и живое знание; перевод Бенджамина Джоуэтта, прочитан фрагмент.

5. Martin Buber, SEP — академическое описание встречи и отношения Я–Ты, выбранные разделы.

6. Н. А. Бердяев. «Я и мир объектов», II — субъект и объективация, короткое сопоставление.

7. И. Кант. «Основы метафизики нравственности», II — человечество как цель, AA 4:429, перевод Т. К. Эбботта.

8. «Лунь юй», XIII.23, Project Gutenberg — первичный фрагмент в переводе James Legge о доброжелательности без заискивания; русский смысловой пересказ, роль ограничена картой связей.

Теги

Бахтин, Достоевский, диалог, полифония, голос, незавершённость, личность, поэтика, литературная теория, самосознание, монолог, обращённость, интерпретация, свидетельство, достоинство, вопрос, ответ, слушание, границы, согласие, разногласие, Бубер, Платон, Кант, Бердяев, Конфуций, ответственность, общение.

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.